

MILHIST

INFO

Власов Д.А. К вопросу о происхождении и бытовании бердышей в России XVII века

На основании анализа артефактов, письменных изобразительных источников, автор статьи делает новые выводы относительно происхождения и особенностей применения бердышей.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2012/10/05/vlasov>

Ссылка для печатных изданий:

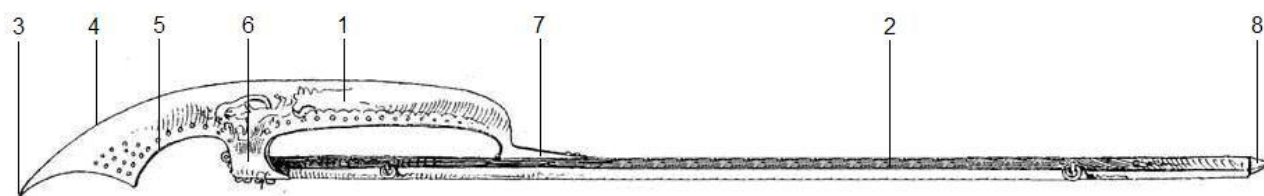
Власов Д.А. К вопросу о происхождении и бытовании бердышей в России XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. II. — С. 456-478. <<http://www.milhist.info/2012/10/05/vlasov>> (05.10.2012)

www.milhist.info

2012г.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И БЫТОВАНИИ БЕРДЫШЕЙ В РОССИИ XVII ВЕКА

Бердыш — контактное древковое оружие, состоящее из железка, с помощью проушины и косицы закреплённого на древке средней длины. Бердыш конструктивно схож с секирой или топором, его отличительной чертой является наличие косицы. По характеру наносимых повреждений является рубящим, рубяще-режущим, а также колющим оружием.

Конструкция бердыша

(по иллюстрации: Бёхайм В. Энциклопедия оружия. — СПб., 1995. — С. 268).

1 — полотно, лопасть; 2 — древко, ратовище, рукоять; 3 — остриё; 4 — лезвие;
5 — тупие; 6 — обух; 7 — косица; 8 — вток.

В отечественной историографии этому оружию посвящен целый ряд исследований¹. В работах В.А.Городцова, О.В.Двуреченского и А.Е.Писарева рассмотрено значительное число артефактов, на основании чего составлены типологии. В данной статье будет использоваться классификация Двуреченского, при составлении которой было изучено наибольшее количество бердышей — 522, из которых типологизировано 410. Выглядит она следующим образом:

Тип 1 — топовидные бердыши;

Тип 2 — бердыши, верхний конец полотна которых выполнен в одно остриё (соответствует типу 1 по Писареву);

Тип 3 — бердыши, верхний конец полотна которых выполнен в два острия (соответствует типу 2 по Писареву);

Тип 4 — бердыши с треугольной верхней частью.

В вышеуказанных работах уделено место рассмотрению истории, эволюции и сферы применения этого оружия на Руси, однако его генезис изучен недостаточно. По-видимому, оно появилось в Западной (Центральной) Европе. Своё происхождение, согласно предположению А.Н.Кирпичникова, бердыши ведут от широколезвийных секир. Подобные секиры — тип Б по классификации А.Н. Кирпичникова — почти Т-образной формы, имели хождение в Европе в X—XI веках, были распространены в Скандинавии и Прибалтике. На Руси они встречались, однако, очень редко — из 1326 топоров X—XIII веков, рассмотренных А.Н. Кирпичниковым (среди которых к боевым относятся 573), к типу Б принадлежат только два образца².

Очевидно, увеличение ширины лезвия привело к соответствующему увеличению нагрузки на рукоять в области обуха при рубящих ударах, поэтому, с целью увеличения прочности соединения железка с топорищем, нижняя часть полотна стала крепиться к рукояти.

Изображения топоров, нижняя часть которых служит для крепления к рукояти, встречаются, к примеру, на иллюстрациях Библии Холкхэма (Holkham Bible), датированной 1327—1335 гг. Однако какой-либо косицы на этих изображениях не показано. На обухе они снабжены шипом. Похожий топор также изображён в «Истории Александра» (Romance of Alexander) 1338—1344 гг., однако есть ли там дополнительное крепление — точно сказать нельзя. Подобное оружие встречается также в манускрипте «Hours of Jeanne d'Évreux» 1324—1328 гг. Весьма похожее на бердыш оружие изображено во французском манускрипте, хранящемся в Национальной библиотеке (№12565) и датированном 1325—1375 гг., причём оно показано в руках как пехотинцев, так и всадников. На некоторых иллюстрациях видны секиры, благодаря широколезвийному месяцеvidному полотну очень близкие к бердышам, но ими

не являющиеся. Возможно, из-за отсутствия дополнительного крепления они иногда снабжены удлинённым обухом, иногда также — копейным наконечником, в этом случае их можно классифицировать, как алебарды.

Собственно бердыши в западных изобразительных источниках встречаются со второй половины XIV века. Судя по этим иллюстрациям, они имеют такие типичные черты, как верхний конец полотна в виде острия, пригодного для нанесения укола, а нижний — служащий для крепления к ратовищу. В некоторых случаях подобное оружие мы видим в руках представителей восточных народов, однако это не значит, что художники пытались отразить реальные особенности их вооружения. Изображённый в «Chroniques de France ou de St Denis» (1380—1400) бердыш имеет все характерные черты, однако либо часть древка от обуха до косицы окована металлом, либо полотно вместо обуха крепится к втулке. В этой хронике есть бердыши и других конструкций, в частности, похожее на него оружие с верхним концом в два острия. Типичные бердыши изображены во французской рукописи «Histoire Romaine» (1390—1400).

Фрагменты иллюстраций «Chroniques de France ou de St Denis».

Подобное оружие встречается и в более поздних источниках. На иллюстрации к книге «Fleur des histoires d'orient» (1410—1412), изображающей битву на Тереке (1262), один из всадников держит оружие в виде бердыша, верхний конец полотна которого, так же, как и нижний, соединён с рукоятью. Хотя это представители восточных народов, вооружение которых в данной книге иногда показано несколько фантастично, однако в основе его реальные прототипы, как восточные, так и западные. На картине, датированной 1473 г., подробно изображён алебардоподобный бердыш, проушина которого выполнена в виде втулки, оканчивающейся копейным пером, обух молотовидный, с шипами, на ратовище — дисковидные расширения.

Иллюстрации к «Histoire Romaine», «Fleur des histoires d'orient» и фрагмент картины 1473 года (точно установить происхождение этой картины не удалось, возможно: London, British Library, Royal, 18. E. V. 1473. De la Création à la mort d'Hadrien. Однако не исключено, что изображение более позднее).

Схожую с бердышом конструкцию имело также оружие, появившееся, приблизительно, в XV веке, железко которого крепилось к рукояти с помощью двух обухов, верхнего и нижнего — так называемая лохаберская секира (Lochaber axe).

В пехоте Речи Посполитой и Венгрии в XVI–XVII веках также применялись бердыши. На «Стокгольмском свитке» 1605 г. изображены гайдуки с бердышами, остриё которых загибается вперёд, подобно тому, как на втором слева оружии с изображения во французской хронике конца XIV в., представленного на рис. 2. Вероятно, они происходят от бердышей, известных по европейским изобразительным источникам XIV—XV веков. Аналогичное оружие, по мнению Ю.М. Бохана, применялось в XVI веке в Великом Княжестве Литовском, где было известно как «бердо»³. Согласно В. Бёхайму, подобное оружие использовалось и в Швеции, о чём свидетельствуют изобразительные источники XV–XVI веков⁴.

Фрагмент «Стокгольмского свитка», 1605 г.

Однако, такой тип оружия встречался не только в Европе. В мамлюкском Египте в XV веке применялись секиры с полотном месяцевидной формы, нижний конец которого опирался на рукоять. От них происходят турецкие топоры «тебер»⁵. В XVII—XVIII, а, возможно, и в XVI веке турецкая пехота применяла типичные бердыши «тирпан». По мнению А.Е. Писарева, на Руси бердыш появился именно как османское заимствование. Однако источники,

позволяющие точно отнести появление бердышей в Османской империи к XVI веку, пока неизвестны. Одно из ранних изображений турецкой пехоты с бердышами имеется в манускрипте Пашанамэ, датирующемся 1630 годом⁶. В турецких музейных коллекциях сохранилось значительное число бердышей, некоторые из которых по конструктивным признакам очень близки к отечественным образцам и могут быть русского происхождения. Другие же имеют нетипичные для русских изделий черты, такие как прямой обух, иногда с круглой проушиной (русские бердыши отличались треугольной проушиной и обухом с удлинённой тыльной частью), а также узкую месяцевидную форму полотна. У некоторых мы видим молотовидный обух. Известны также топоры «балта» с косицей. Можно предположить, что появление бердышей в Турции связано с европейским, возможно, восточноевропейским влиянием, а образцы, имеющие нетипичные черты, представляют собой местные гибридные формы. Во всяком случае, нам известно о европейском влиянии на военное дело Османской империи, в частности, поставках туда предметов вооружения в XVI—XVII веках⁷. Однако вопрос генезиса турецких бердышей требует специального исследования.

На Руси, как установил О.В. Двуреченский, собственно бердыши появились в конце XVI века, в ходе Ливонской войны. Вместе с тем, в это время применялись также так называемые топорovidные бердыши — топоры с косицей, по форме полотна имеющие аналогии среди других русских топоров. На основании этого Двуреченский не исключает возможности независимого происхождения русских бердышей от этих топоров, без внешнего влияния. Однако, с учётом рассмотренных выше европейских аналогий, это маловероятно. В западном материале XIV века подобные топорovidные бердыши известны, но пока нет источников, подтверждающих их существование в Европе в конце XVI — начале XVII века. Возможно, они могли возникнуть и на Руси как гибридные формы бердышей и топоров.

Таким образом, суммируя вышеизложенные наблюдения, можно сделать вывод, что бердыш на Руси, по всей вероятности, был заимствован у польско-

венгерской пехоты. Об этом свидетельствует и этимология слова — оно происходит от польского *bardysz*, *berdysz*, которое, в свою очередь, восходит к среднелатинскому *barducium*⁸. Одна из основных причин, по которым это оружие получило распространение с конца XVI века, состоит в том, что стала возрастать роль профессиональной пехоты. До Ливонской войны основным противником Московского государства были тюркские народы, тактика которых заключалась в использовании подвижных конных отрядов. Для защиты населения от вражеских набегов была необходима столь же подвижная армия. Поэтому главной составляющей русских вооружённых сил была дворянская конница, тактика и вооружение которых находилась под сильным восточным влиянием. Распространение ручного огнестрельного оружия привело к появлению профессиональной пехоты. При Василии III, в конце XV века, появились пищальники, набравшиеся из посадского населения. В середине же XVI века, при Иване IV, им на смену пришли стрельцы, служба которых была наследственной, хотя их контингент мог пополняться даточными людьми. В их задачу входило, прежде всего, использование огнестрельного оружия, а холодное играло вторичную роль. В полевых сражениях стрельцы занимали позиции в укреплениях, засеках, окопах, на речных переправах, откуда проводили обстрел противника. В открытом столкновении пехота против подвижных конных лучников была малополезна. Огневой бой был наиболее важной задачей и при осаде или обороне городов. В силу того, что профессиональная пехота стала новым родом войск, не было на Руси и развитой традиции пешего боя, что соответствующим образом сказалось на её тактике и комплексе вооружения.

Итак, в целом, в XV и первой половине XVI века большой необходимости в развитии холодного оружия пехоты не было. В отличие от нее, дворянская конница, игравшая основную роль в полевых сражениях, имела на вооружении богатый арсенал наступательного и защитного вооружения, упоминаемого в различных источниках — луки со стрелами, сабли, копья, кистени, топоры, булавы. В ходе Ливонской войны русские войска сражались против западного

противника, полностью отличавшегося от южного и восточного как стилем ведения боевых действий, так и вооружением. В частности, важную роль в западных армиях играла профессиональная пехота. Поэтому для эффективного противодействия требовалась иная тактика, роль пехоты в русской армии возросла, изменилось и её вооружение.

Как установил О.В. Двуреченский, впервые бердыши упоминаются в 1581 году, при обороне Пскова от войск Стефана Батория. Немного позднее Джильс Флетчер писал о вооружении стрельцов (1586–1589 гг.): «Стрельцы, составляющие пехоту, не носят никакого оружия, кроме самопала в руке, бердыша на спине и меча сбоку» (в оригинале: «his striking hatchet at his back, et his sword by his side»). Из этой цитаты нельзя однозначно утверждать, что речь идёт о бердыше, тем не менее, можно сказать, что упомянутое оружие похоже на топор и, поскольку носится за спиной, то снабжено достаточно длинной рукоятью и погонным ремнём.

Но сразу широкого распространения бердыши не получили — в первой половине XVII века сведения о них отрывочны. Не встречаются бердыши, например, на иллюстрациях А. Олеария (1630-е годы), а вооружение изображённых на них стрельцов состоит из пищали и сабли, что соответствует его словам: «Стрельцы своими ружьями, составляющими, наравне с саблями, общее оружие их...». Такой же комплект — пищаля и сабля — известен по изображению стрельца на «Сигизмундовом плане» Москвы (1610 г.), перерисованный в «Борисовом чертеже» (1613 г.). Нет бердышей и на плане осады Смоленска 1632—1634 гг. (гравюра Гондиуса, 1637 г.). А в отечественных письменных источниках этого времени, где говорится о вооружении стрельцов, упоминаются только пищали⁹.

В то же время известия о бердышах встречаются в ином контексте — вооружения не стрельцов, а посадского и уездного населения. В случае вражеского вторжения, народ должен был быть готов к тому, чтобы оказать отпор. Известны и предписания правительства о необходимости наличия оружия у мирного населения. Известно также, что в Москве в 1638 году из 10

787 домохозяев имели вооружение 8171 (75,7%), среди которых бердыши были у 49 (0,45%)¹⁰. В первой половине XVII века это оружие было также распространено у посадского населения на западной границе. Одним из первых упоминаний бердышей в этом плане является челобитная 1605 г. крестьян деревни Жуковой, Высотцкой волости Смоленского уезда, царю Борису Годунову. В ней бердыши фигурируют и в качестве оружия совершивших разбойное нападение «литовских людей», и среди взятого разбойниками крестьянского имущества¹¹. В ходе же Смутного времени бердыши использовались в народном ополчении.

Во второй половине XVII века упоминания о бердышах, как в отечественных источниках, так и в свидетельствах иностранцев, регулярны. В ходе Тринадцатилетней войны 1654–1667 годов между Россией, Речью Посполитой и Швецией, пехота стала основным родом войск в русской армии. Наступательное вооружение солдат первоначально включало мушкеты, шпаги, пики, защитное — пехотный латный доспех. Обучение использованию этого оружия и тактическим приёмам проводили западные военные специалисты. Опыт, однако, выявил слабые стороны подобного комплекса: недостаточную эффективность шпаг, дороговизну и малополезность лат против огнестрельного оружия. В результате от доспехов практически отказываются, а на вооружение берут бердыши. Во второй половине XVII века они занимали важное место среди вооружения стрельцов и пехоты нового строя — солдат и драгун.

Бердыши ковались в казённых, посадских, монастырских кузницах, а позднее — и на заводах. Широких масштабов производство оружия достигало в монастырях. Значительные арсеналы имелись в Кирилло-Белозерском и Соловецком, а также Троице-Сергиевом монастырях. Бердыши среди вооружения Соловецкого монастыря впервые упоминаются в описи 1632 года¹². С 1630-х годов на Руси начинается бурное развитие промышленности, появляются металлургические заводы, на которых по западным технологиям производились чугун, пердедельная сталь и изделия из них, в том числе холодное оружие. В 1668 году на тульско-каширских заводах Марселиса

стоимость бердышей, изготавливаемых по образцу, составляла 5 алтын (15 копеек), в то время как шпага или сабельная полоса стоила уже 20 алтын (60 копеек)¹³. В документе 1674 года упоминается о том, что «выслано из Тулы... кузнецов двадцать человек для бердышового дела, с мехами и со всеми кузнечными снастями»¹⁴.

Металлографическое исследование бердышей не проводилось, однако о некоторых технологических моментах можно узнать из письменных источников. В 1656 году Вологодскому Спасо-Прилуцкому монастырю предписывалось изготовить оружие: «а велено топорки и бердыши делать с образцов ни больше, ни меньше, весом бы были таковые же, а делать в железе и в укладе добром, а те топорки насадить на доброе топориче мерою два аршина, а бердыши насадить на дерево ж, как ведется, и на концах тупых у бердышей сделать маленькие копейца, чтоб можно в землю воткнуть»¹⁵. Этот указ свидетельствует о нескольких интересных особенностях изготовления бердышей — прежде всего о том, что они делались по определённом государственному стандарту, устанавливавшему требования к размеру и весу изделий, об используемых металлах — железе и стали, назначении втока. Указана здесь и длина ратовища — 2 аршина (примерно 142 см), однако она относится к «топоркам», то есть топорикам на длинных рукоятках, применявшихся наряду с бердышами. Что касается последних, то насчёт их рукоятей здесь сказано просто «как ведётся», однако большинство исследователей считают ту же величину — 2 аршина — применимой и для бердышей. По результатам измерений О.В. Двуреченского, длина ратовищ составляла от 1,1 до 1,8 м.

Некоторые моменты производства оружия были затронуты в донесении 1701 г. И.Т. Посошкова: «яко же прежде у нас обреталось бердыши, остреем подобны косарю тупому, и кованы ис простого железа без укладу», «Такожде кой кузнец скует саблю, или бердыш, или обоюдник, или копье, или богинет, или нож без укладу, или и с укладом, да железо положит не мяхкое, и от того он переломитца, или в присаде не твердо будет, и с ратовища сломитца, или из

черена выломитца, и тому доведетца запрещение какое положить, чтоб все того опасны были»¹⁶. Из этого сообщения следует, что бердыши следовало делать по определённой технологии, вероятно, из мягкого железа с лезвием из твёрдой стали. Однако эта технология нередко нарушалась, и в результате получались некачественные изделия.

Ряд известных русских бердышей имели интересные конструктивные особенности. Таков, например, бердыш с крюком на обухе из Соловецкого монастыря, упомянутый в труде О.В. Двуреченского. Кроме того, в собрании Кирилло-Белозерского монастыря сохранился бердыш, на обухе снабжённый прямым шипом¹⁷, а в его арсенале в 1668 году числилось «10 бердышев новых, с крюками и с ратовищами вязовыми»¹⁸. Назначение их неясно, но можно отметить, что крюками снабжались еще упоминавшиеся лохаберские секиры.

Полотна бердышей варианта 2В (по Двуреченскому), экспонирующиеся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, достигали двух метров в длину. В силу столь гигантских размеров они, возможно, имели исключительно парадно-церемониальное назначение. Там же выставлен необычный «двусечный» бердыш, но о его предназначении также нет никаких сведений, кроме того, что в описи вооружения Соловецкого монастыря 1705 г. числится 352 «бердыша больших и малых, в том числе один из них бердыш двойной»¹⁹.

Единственная попытка реконструкции приёмов бердышного боя была предпринята К.В. Асмоловым²⁰. Для этого им была использована аналогия с дальневосточным оружием типа глефы — дадао и нагинатой. Однако с таким подходом нельзя согласиться, прежде всего, по причине отсутствия влияния дальневосточных государств на военное дело России рассматриваемого периода. По материалам Западной Европы известны фехтовальные трактаты, посвящённые технике работы различным холодным оружием, в том числе алебардами и поллэксами — рубящим и колющим оружием. Но применять её к русским бердышам также некорректно, не только из-за различий в конструкции оружия, но и из-за разных путей возникновения техник боя.

Представление о технике работы бердышом можно попытаться составить на основе письменных и изобразительных источников, а также конструкции самого оружия. Первым письменным источником, в котором описывается боевое применение бердыша, является «Сказание» Авраамия Палицына (1620 г.), повествующее об осаде Троице-Сергиева монастыря польско-литовскими интервентами в 1608—1610 годах: «Гетман же Сапега пришел на Красную гору на троицких людей и стал по всему Клементьевскому полю со всеми своими полками, Лисовский от прихода Сапеги повеселел и захотел совместно с ним одолеть Господа Бога-Вседержителя. И повелел в своем полку в трубы и зурны дуть и в барабаны и литавры бить. И тут же вскоре вместе с Сапегою устремился на Красную гору против всех троицких людей, хотя в один час всех их истребить. И согнали они троицких пеших людей под гору к Пивному двору. И было воистину чудно видеть милость Божию к троицкому воинству и заступничество и помощь против врагов по молитвам великих чудотворцев Сергия и Никона. И сотворил Господь преславное чудо тогда. Даже нератные люди стали храбрыми, и не знавшие, и не ведавшие никогда обычаев ратных — и те исполинской силой препоясались. Один из таких, некий податной человек из села Молокова, крестьянин, называемый Суетою, великий ростом и очень сильный, над которым посмеивались всегда из-за его неумения в бою, сказал: “Пусть я умру сегодня, но буду всеми прославлен!” В руках он держал оружие, бердыш. И укрепил Господь Бог того Суету, и дал ему бесстрашие и храбрость; и он понуждал православных христиан прекратить бегство, говоря: “Не убоимся, братья, врагов Божиих, но станем с оружием твердо против них!” И сек бердышом своим врагов с обеих сторон, удерживая полк Александра Лисовского; и никто ему противостать не мог. Он быстро, как рысь, скакал и многих тогда вооруженных и в броне поразил. Многие же крепкие воины встали против него, чтобы отомстить за позор, и жестоко на него наступали. Суета же сек по обе стороны; не выдавая его, пешие люди, прекратив бегство, укрепились за надолбами»²¹.

Это свидетельство представляет интерес, конечно, не с точки зрения эффективности бердыша, а как показатель распространённости этого оружия среди мирного населения в начале XVII века, пример его применения, вероятно, для нанесения мощных размашистых рубящих ударов, и использования против одоспешенного противника.

Небольшое упоминание о столкновении польской конницы с отрядом стрельцов в 1660 году, имеется в дневнике участника этой битвы шляхтича Яна Хризостома Пасека: «Жестокая тут настала резня в этой толпе, а наиболее ужасны были бердыши; четверти часа однако не прошло с начало этого смешения, а высекли их так, что ни один не ушёл, поскольку остались в чистом поле; а, говорили, их было около 100. Из наших тот, кто погиб, тот лежал, а кто был ранен – тот страдал от ран; подо мной коня гнедого пулей ранили в грудь, порезали ему бердышом лоб, а также колено. Ещё бы он мне послужил, если бы не эта коленная рана...»²². Как видим, бердыши применялись и против конницы. Характерно также то, что раны, полученные конём автора — резанные, что, вероятно, также свидетельствует о нанесении рубяще-режущих ударов. Подобное применение этого оружия следует также из реляции о разгроме польского войска под Пилявцами в 1648 году, где сообщается, что запорожские казаки «выводили им коней из строя больше всего бердышами»²³. Царь Алексей Михайлович в своём письме 1660 года к боярину Ю.А.Долгорукому рекомендовал, чтобы во время схваток с противником «а не саблями рейтары, а пешие бердышами отсекаяся, стояли от первых рот»²⁴.

Приведем также свидетельство хорватского философа Юрия Крижанича, который в своём труде «Политика» (1663 г.) затронул вопросы вооружения и военного дела: «Здесь на Руси я вижу бердышников или бердышный строй: когда посылают в бой пехотинцев с одними лишь брадвами или бердышами без иного оружия. Не знаю, есть ли где еще на свете такой обычай, и думаю, что строй этот выдуман из-за недостатка сабель и мечей или хорошего железа. А оказывается этот строй мало полезным, ибо те бердышники не могут биться на расстоянии, так как из-за бердышей не могут носить ни луков, ни пищалей. А в

ближнем бою они могут лишь ударить с размаху, а не проколоть и не проткнуть, и не могут бердышом ни дров нарубить, ни окопаться, ни срубить острога»²⁵. Из этой цитаты следует, что бердыши использовались в качестве единственного оружия, и применялись для нанесения размашистых рубящих ударов. Однако утверждение о том, что бердышники не могли иметь пищалей, не соответствует действительности — известно много как письменных, так и изобразительных источников, свидетельствующих о том, что пищаль носилась вместе с бердышом. С другой стороны, не все пищали снабжались погонными ремнями, что не позволяло иметь их при себе во время работы бердышом.

Что касается изобразительных источников, то применение бердышей в сражениях показано лишь на иллюстрациях Ремезовской летописи. Она датируется концом XVII — началом XVIII века, и повествует о походе Ермака в Сибирь. На этих рисунках их автор С.У. Ремезов изобразил своё представление о событиях почти полуторавековой давности, поэтому подходить к ним, как к источнику по технике работы бердышом в конце XVII века, следует с большой осторожностью. Неизвестно, насколько достоверно она показана на этих иллюстрациях; так, на одной из них бердыш изображён в руках всадника — с учётом средневековых французских миниатюр, также изображающих всадников, вооружённых подобным оружием, реальная возможность подобного не исключена, но маловероятна. Русские бердыши XVII века — исключительно пехотное оружие, весь корпус письменных и изобразительных источников этого периода свидетельствуют об их применении только пехотой. На других рисунках Ремезовской летописи пешие казаки наносят бердышами размашистые рубящие удары, используя двуручный хват за нижнюю часть ратовища.

Коллющие удары бердышами на иллюстрациях не встречаются, а также не известны их упоминания в каких-либо письменных источниках. Разве лишь в «Записках игумена Ореста», в описании восстания мещан Могилёва в 1661 году против русских солдат, у которых они предварительно «тайно повынимали кремни из ружей», сообщается: «Мещане, слышавши колокольный

тревожный звон, по всему городу, по всем домам и улицам, нечаянно нападши, кололи, резали бердышами, топорами, молотами и, чем кто мог, убивали Русских солдат без всякой пощады. Таковое злоумышленное нечаянное

Миниатюры Ремезовской летописи

нападение на Русских солдат, страшный крик и кровопролитие в одно мгновение ока произвело во всем городе. И хотя оно учинено мещанами нечаянно и на безоружных Русских солдат, однако они, как люди военные, начали было на рынки верх брать над мещанами, но вдруг один из мещан, видя опасность, побежал и отбил тюрьму, в которой содержалось большое количество арестантов пленных Поляков, кои, выбегши из тюрьмы, отчаянно дрались с Русскими солдатами, и тем значительную помощь мещанам учинили, так что в течение нескольких часов избили во всем городе все бывшее в нем Российское войско. Во время сей битвы много ранено и несколько убито мещан Могилевских»²⁶. Однако из контекста этого сообщения не следует, что подразумевалось именно нанесение колющих ударов бердышами, а, скорее, имело место простое перечисление оружия и характера наносимых повреждений. А в приведённой цитате Ю. Крижанича конкретно указывается, что «проколоть и проткнуть» бердышом нельзя.

Тем не менее, конструкция бердыша свидетельствует о приспособленности для колющих ударов, по крайней мере, некоторых типов. Полотна некоторых бердышей типа 2 (по Двуреченскому) имели заточку у острия не только с внешней, но и с внутренней стороны. Основное остриё бердышей типа 3 иногда делалось в виде гранёного «шипа» (вариант 2д по Писареву). В частности, таков бердыш из Иркутского областного краеведческого музея (см. рис. 6). Однако, с учётом того, что в большинстве случаев острия подобных бердышей были загнуты назад, колющий удар наносился не по прямой, а по дуговой траектории.

Как видим, бердыши не без успеха применялись людьми не военными — крестьянами, мещанами. Однако всё же для действительно эффективного использования оружия необходимы соответствующие навыки. Недаром в приведённой цитате из «Записок игумена Ореста» подчёркивалось превосходство в рукопашном бою профессиональных воинов над мещанами. Однако каких-либо наставлений по технике работы бердышом неизвестно, отсутствует также информация по обучению русской пехоты их

использованию, в то время как об обучении, например, военному строю свидетельства есть. Вероятно, в среде профессиональных воинов неофициально

Остриё бердыша из Иркутского музея.

могла сформироваться определённая техника применения холодного оружия, подкрепляемая непосредственным боевым опытом. С учётом того, что стрельцы и казаки были, практически, военными сословиями, в их среде, как и

в среде поместных воинов, могли существовать определённые боевые традиции²⁷. Можно отметить, что на немногих из сохранившихся бердышей имеются зазубрины, оставленные рубящим оружием, что свидетельствует об их применении для постановки блоков.

Некоторые сведения о технике работы бердышом можно извлечь из конструкции ратовища. Для удобства описания можно выделить три его сегмента — нижний (нижняя половина или треть древка), средний (на уровне косицы и немного ниже) и верхний (между косицей и обухом). На многих бердышах прослеживается выступ в нижней части ратовища. По всей видимости, он предназначался для того, чтобы воспрепятствовать выскальзыванию бердыша из рук при нанесении размашистых рубящих ударов, подобных показанным на миниатюрах Ремезовской летописи. В некоторых случаях выступ отличается более крутым наклоном сверху, чем снизу; в других — наклон одинаков, а в редких случаях — более крутой снизу. Необычным является ратовище бердыша из Харьковского Исторического музея — в нижней части оно снабжено двумя выступами, видимо, предназначенными для удобства двуручного хвата, а также загибом в самом низу древка, вместо втока²⁸.

В некоторых случаях в верхней части, под обухом, прослеживается расширение ратовища. В одних случаях это расширение, назначение которого — усиление крепления, в других это выступ, находящийся непосредственно под обухом, который чётко прослеживается, например, у бердышей из музея «Золотые ворота» (г. Владимир)²⁹. Этот выступ мог предназначаться для упора в том случае, если одна рука находится в верхней части ратовища, а другая — в средней или нижней. Подобный хват, возможно, был применим для нанесения колющих ударов. Однако это предположение нельзя распространять на все типы бердышей, а только на те, которые имели достаточно длинное полотно и остриё которых приспособлено для нанесения укола. Для бердышей с относительно коротким полотном данный хват был неприменим.

Бердыши с аутентичными ратовищами и топорки, рис. Ф.Г. Солнцева (Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I. М., 1849—1855).

Таким образом, конструкция бердыша позволяет предположить два типа хвата. В первом варианте обе руки находятся в нижней части ратовища. Он используется для нанесения мощных рубящих и рубяще-режущих ударов, упомянутых в приведённых источниках. Во втором, более редком — одна рука располагается в верхней, другая — в средней или нижней части ратовища. Такой хват применим для нанесения колющих и рубяще-режущих ударов.

Что касается других приёмов, то ни источники, ни конструкция не позволяют говорить об упоминаемом К.В. Асмоловым обратном хвате. Относительно нанесения колющих ударов втоком, то подобной возможности нельзя исключать, так как данный приём для древкового оружия известен, например, по трактату Ханса Тальхоффера 1459 г., однако назначение втока, как следует из приведённого указа 1656 года — «чтоб можно было в землю воткнуть».

В ходе реформ Петра I, русская армия устраивается по западному образцу, в связи с чем бердыши выходят из употребления. Однако в начале XVIII века они ещё имели хождение. Например, среди утраченного оружия в ходе штурма Дерпта 1704 г. числилось 13 бердышей³⁰. Но вскоре они окончательно перестали применяться регулярной армией, например в 1734 году в Военной коллегии было рассмотрено дело «о употреблении имеющихся в Витебске оставленных в прошлых годах во время бытности российского войска в том городе от полковника Анкерова негодного ружья, бердышей и алебард на всякие полковые поделки»³¹.

Во второй половине XVII века, и, вероятно, в какой-то мере также позднее, бердыши оставались на вооружении мирного населения, различных повстанцев и разбойников. Например, в 1655 году, казачий голова Леонтий Гановский писал о сражении в Дубровенском уезде: «И взяли казаки у тех шишей ружья: тринадцать пищалей всяких, да двенадцать бердышей, да три топорка, да шпагу, да пику долгую...». Реляция о Гомельской осаде 1651 года свидетельствует о эффективности бердышей в руках белорусских мещан, помогавших украинским казакам. Царский указ 1678 года об усилении

Киевского гарнизона предписывал дополнить киевские и смоленские полки даточными людьми, «а у всякого б даточного было по бердышу»³². И даже среди оружия Владимирского ополчения 1812 года упоминаются «снятые с вооружения старинные тесаки, сабли, шпаги, бердыши...» — последнее, вероятно, свидетельство о возможности их боевого применения.

¹ Городцов В.А. Описание холодного оружия Исторического музея (топоры, бердыши) // Труды Исторического музея. — М., 1908; Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX вв. — М., 1953; Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. — Л., 1976; Двуреченский О.В. Холодное наступательное вооружение Московского государства: конец XV — начало XVII века. Дисс. ... канд. ист. наук. — М., 2006; Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты // Армии и битвы. — 2008. — № 9. — С. 15—29.

² Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. — М.-Л., 1966. — Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв. — С. 40.

³ Бохан Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI ст. Мн, 2002. — С. 181.

⁴ Бёхайм В. Энциклопедия оружия. — СПб., 1995. — С. 266.

⁵ [Аствацатурян Э. Г. Турецкое оружие.](#) — СПб., 2002. — С. 182—184.

⁶ Nicolle D. The janissaries. — Lnd, 1995. — С. 48.

⁷ Nicolle D. Armies of the ottoman turks 1300-1774. — Lnd, 1983. — С. 20.

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1986. — Т. 3. — С. 152—153.

⁹ [Марголин С.Л. Вооружение стрелецкого войска](#) // Военно-исторический сборник Государственного Исторического музея. — М., 1948 (Труды ГИМ. Вып. XX). — С. 85—102.

¹⁰ Волков В. А. Войны и войска Московского государства. — М., 2004. — С. 384.

-
- ¹¹ Челобитная 1605 г. крестьян дер. Жуковой Высотцкой волости Смоленского уезда царю Борису Годунову. — Mode of access: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1580-1600/Anpilogov_new_dok/81-100/88.htm — Date of access: 02.10.2012.
- ¹² Балан С.Б. Арсенал Соловецкого монастыря XVI - XVIII вв. // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области. — М., 2006. — С. 141—156.
- ¹³ Хмыров М.Д. Металлы, металлические изделия и минералы в Древней России. — СПб., 1875. — С. 275.
- ¹⁴ Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. — С. 15.
- ¹⁵ Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н. Русское оружие. — С. 43.
- ¹⁶ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. — М., 1951. — С. 260—261.
- ¹⁷ Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVIII веках // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1958. — № 77.
- ¹⁸ Хмыров М.Д. Металлы, металлические изделия и минералы в Древней России. — С. 274.
- ¹⁹ Балан С.Б. Арсенал Соловецкого монастыря XVI—XVIII вв.
- ²⁰ Асмолов К.В. История холодного оружия. — М., 1993. — Ч. 1. — С. 143.
- ²¹ Воинские повести Древней Руси. — Л., 1985. — С. 422.
- ²² Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska. — Poznan, 1837. — S. 78.
- ²³ Реляция о разгроме польско-шляхетского войска под Пилявцами, составленная участником битвы. — Mode of access: <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1640-1660/Vojna1/41-60/44.htm> — Date of access: 02.10.2012.
- ²⁴ Записки отделения русской и славянской археологии императорского русского археологического общества. — СПб., 1861. — Т. 2. — С. 764.
- ²⁵ Крижанич Ю. Политика. — М., 1965. — С. 431.

²⁶ Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. — Вильна, 1867. — Т.2. — С. XVII—XVIII.

²⁷ Существование традиций лучного и копейного боя в поместной коннице показал О.А. Курбатов: Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI в. до середины XVII в. // Военная археология. — М., 2011. — Вып. 2. — С. 78—79.

²⁸ Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. — С. 26.

²⁹ Там же. — С. 19.

³⁰ Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по Высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы Военно-Ученого Архива Главного Штаба. — СПб., 1871. — Т. I. Ч. III. — Mode of access: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/VPZh_Seremetev/text3.htm — Date of access: 02.10.2012.

³¹ [Егоров В.И. Перечень документальных материалов фонда № 5 Российского государственного военно-исторического архива «Артиллерийское повытье / экспедиция Военной коллегии» по теме: Ручное холодное и огнестрельное оружие русской армии XVIII – начала XIX веков. \(На правах рукописи\).](#) — С. 7.

³² Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. — С. 15.